

Какая дорога ведет в Рим?

ИНТЕРВЬЮ СО СТУДЕНТОМ РИМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «ГРИГОРИАНУМ»
ЛЕОНИДОМ СЕВАСТЬЯНОВЫМ

— Леонид, для начала скажи, пожалуйста, несколько слов о себе.

— Родился я в Ростове-на-Дону в 1978 году. Еще во время учебы в школе передо мной встал выбор: чем заниматься в дальнейшем. Так как я вырос в очень благочестивой семье, то долго не мог решить, идти ли мне по церковной стезе или заниматься какой-то светской деятельностью. И когда мне было шестнадцать лет, я принял решение поступать в семинарию, чтобы стать священником. Надо сказать, что тогда я находился под сильным влиянием «Идиота» Достоевского. После прочтения этой книги я окончательно решил посвятить мою жизнь Церкви.

— Тебя вдохновил сам образ князя Мышкина или вся атмосфера романа Достоевского?

— Думаю, что сам образ Мышкина — человека, который как бы осмелял секуляризованное общество, и будучи членом этого общества, он счел более достойным для себя быть отвергнутым этим обществом. Эта идея привлекала меня больше всего. Мне казалось, что Христос на земле был бы именно таким. И священник должен быть именно таким. Даже если он имеет какое-то высокое положение в обществе, он должен отвергнуть его и служить идее более высокой. В моей молодой душе зародилось желание жить так же, как Христос и князь Мышкин.

— Так же как «князь-Христос», как называл его сам Достоевский.

— Да.

— А как к тебе пришла мысль об учебе за границей?

— Направление на учебу в Семинарии мне дал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. И в 1995 году я поступил в МДС, где проучился до марта 1999 года. Когда я учился в третьем классе семинарии, одним из моих любимых преподавателей был Владимир Владимирович Шмалий. Теперь уже — священник Владимир. Он преподавал у нас догматику, и мы очень часто с ним обсуждали разные богословские темы. Владимир Владимирович работал в Отделе внешних церковных связей в секретариате, который возглавляет игумен Иларион (Алфеев). И вот однажды он мне предложил познакомиться с отцом Иларионом. Я съездил к нему на прием, мы долго обща-

Вид на собор святого апостола Петра

лись, и во время беседы отец Иларион спросил: «А не хотели бы Вы учиться за границей?» Я ответил, что такой мысли у меня никогда не было, но ее стоит обдумать.

Перед окончанием третьего класса владыка Кирилл спросил меня о том, чем я собираюсь заниматься после Семинарии. Я ему ответил, что стою перед выбором: то ли поступать в Академию, то ли попробовать поехать учиться за границу. Владыка сказал, что мне было бы неплохо поучиться за границей, но только нужно решить, где именно. А тогда была весьма популярна идея обучения в Оксфорде. Но мне казалось, что богословием лучше заниматься в Риме, где есть уже давняя традиция преподавания богословия. И владыка утвердил мой выбор.

— А у тебя не было внутреннего конфликта по тому поводу, что князь Мышкин, как известно, к католицизму относился, мягко говоря, без особого почтения? Ведь в романе у него есть довольно пространственные антилатинские монологи.

—Начнем с того, что при поступлении в Семинарию я еще не думал ехать в Италию. А с другой стороны, когда я ехал в Рим, то у меня прежде всего была цель получить хорошее образование. Я не смотрел на конфессиональную принадлежность того или иного университета, меня привлекал сам процесс обучения. Римские университеты всегда славились своим методом, и именно поэтому я выбрал Италию. И вопрос о том, являются или не являются католики еретиками, был для меня на втором плане.

—Каким образом и кем была организована твоя поездка?

—Она была организована по благословению митрополита Кирилла отцом Иларионом (Алфеевым). И так как сейчас Русская Православная Церковь находится не в самых лучших отношениях с Римской Церковью, то встал вопрос о том, как я должен ехать: на официальном уровне, то есть через Ватиканскую конгрегацию по христианскому единству, или же искать каких-то нейтральных спонсоров, то есть, конечно же, католических спонсоров, но таких, которые бы не были официальными представителями Ватикана. И владыка Кирилл, и отец Иларион сочли более приемлемым второй вариант. Таким спонсором выступила Коммуниа ди Бозе (Comunita di Boze), то есть община, находящаяся в местечке Бозе. Это очень оригинальный экуменический монастырь. Его руководство выразило согласие проспонсировать сначала мои занятия по итальянскому языку, а в дальнейшем — обучение в Риме.

—Ты уже третий год живешь в Италии. Как прошло это время? Чем ты занимался?

—С марта по октябрь 1999 года я занимался языком и немного путешествовал по Италии. Посетил Рим, Венецию, Флоренцию, другие известные итальянские города. Жил я в монастыре Коммуниа ди Бозе, где кроме занятий языком я нес еще небольшое послушание: занимался керамикой, лепил всякие керамические поделки. Дело в том, что эта община находится на самообеспечении. Каждый монах работает и вносит какой-то вклад в общину. Конечно же, никто не настаивал на том, чтобы я работал, но я сам изъявил такое желание. Мне хотелось тоже вносить какую-то лепту в жизнь общины, которая меня приютила. И поэтому с утра до обеда я работал, а с обеда до ужина занимался итальянским языком.

—Значит, обучение языку у тебя проходило непосредственно в монастыре?

—Да.

—Расскажи, пожалуйста, о том, что из себя представляет эта община?

—Монастырь был основан в 1965 году, сразу же после закрытия Второго Ватиканского собора. Основателем общины является Энцо Бьянки, который жив до сих пор и остается главой монастыря — приором, как там принято говорить. Он простой монах, не священник. И его жизнь мало чем отличается от жизни рядового насельни-

Леонид Севастьянов

ка монастыря. Он не выделяется из общей среды, а является братом, равным со всеми остальными. Основал он монастырь, когда ему было двадцать три года. До этого он занимался политикой и возглавлял молодежную партию. Но затем он решил оставить все и последовать за Христом. Он ушел в пустынное, заброшенное место и там прожил в течение трех лет, добывая деньги переводами. Вокруг него стали собираться другие монахи, ставшие его последователями. Главная особенность этого монастыря состоит в том, что он не является конфессиональным в строгом смысле этого слова. Член любой христианской общины — католической, православной или протестантской — может поселиться в монастыре. К тому же это смешанный монастырь, то есть там живут как монахи, так и монахини.

—Должен ли ты был подчиняться внутреннему распорядку? Было ли требование обязательного посещения богослужений? Испытывал ли ты на себе какие-то попытки духовного воспитания?

—Никто не принуждал меня к каким-то совместным молитвам и не пытался заниматься моим духовным вос-

питанием в силу того, что я являюсь православным и не принадлежу к их традиции. Так что никто не заставлял меня устраивать свою жизнь в соответствии с их представлениями о духовности. Но, конечно же, я должен был соблюдать режим, подчиняться распорядку дня, что я с радостью и делал. Вообще этот монастырь известен в Италии как ученый монастырь. Большая часть монахов занимается наукой, изучением церковных и богословских проблем, переводами, преподаванием. Главным объектом изучения здесь является Священное Писание. Так что монастырь этот понравился мне прежде всего своей ученостью. Мы много говорим об ученых монастырях, и вот там, в Италии, я впервые увидел такой монастырь, где все монахи являются учеными.

—А как проходили занятия по языку? Там есть монастырская школа?

—Нет. Школы нет. Я занимался с одним монахом, членом этой общины, который в совершенстве владеет русским языком. Он был прикреплен ко мне и занимался со мной в течение двух месяцев итальянской грамматикой. Освоив грамматику, я продолжал изучение языка самостоятельно, читая книги и общаясь с людьми, то есть уже без преподавателя.

—Тебе нужно было сдавать экзамен по языку?

—Нет. Для поступления в университет я должен был представить сертификат о том, что я прошел курс и имею положительный балл.

—А монастырь имеет право выдачи сертификата?

—Да.

—Итак, после монастыря ты поступил в университет. Расскажи о нем кратко.

—Рим в каком-то смысле можно назвать столицей богословского образования. Там находится огромное количество разных университетов, институтов, училищ. Здесь довольно широкий выбор учебных заведений. Именно этим мне Рим и нравится. После совета со знающими людьми и, прежде всего, с братией Коммунита ди Бозе я остановился на Григорианском университете Григориануме. Этот университет является самым знаменитым и самым престижным в католическом мире не только по уровню образования, но и по тому, как реализовывают себя его выпускники. Большинство кардиналов и епископов оканчивали именно это учебное заведение. Епископы со всего мира посылают в Григорианум тех молодых людей, на которых имеют, так сказать, какие-то виды, тех, кому собираются поручить впоследствии преподавание или церковно-административную работу. Университет принадлежит иезуитскому ордену, и традиционно все его профессора являлись иезуитами, хотя сейчас многие преподаватели принадлежат другим орденам или вообще являются светскими людьми.

—Насколько это масштабное учебное заведение?

—В Григориануме шесть факультетов: философский, богословский, истории Церкви, канонического права,

библейстики и истории богословского движения или патристики. Ему также принадлежат Библикум — институт библейстики и Ориенталиум — институт, занимающийся изучением восточной традиции. Эти два института являются частью Григорианума. Всего в университете учится пять тысяч человек. Может это и не так много, но больше, чем в других университетах Рима.

—Ты на каком факультете обучался?

—Я уже окончил философский факультет, получил степень бакалавра и сейчас планирую перейти на лицензиат по богословию.

—А кто сейчас финансирует твою учебу?

—Мою учебу по-прежнему финансирует Коммунита ди Бозе. Они полностью оплачивают мое проживание, медицинское обслуживание и другие расходы.

—Давай теперь поближе подойдем к учебному процессу. Скажи, пожалуйста, насколько выражен профессиональный характер преподавания?

—Мне несколько сложно судить об университете в целом, потому что я занимался только философией, преимущественно западной философией. И здесь я не нашел какого-то профессионального направления. Но вообще Григорианум считается самым либеральным богословским учебным заведением в Риме. И в целом иезуитское образование считается самым либеральным в католическом мире, что не очень поощряется официальным Ватиканом. Григорианский университет стоит на позициях Второго Ватиканского собора и пытается развивать его решения. Но сейчас в Ватикане наметилась тенденция свертывания положений этого собора и перехода на более консервативные позиции. И на этом фоне Григорианум выглядит слишком либеральным в глазах официальной Церкви, если так можно выразиться.

—А что нужно было для получения степени бакалавра?

—Курс бакалавриата длится три года, но есть возможность пройти его и за два года. Для получения степени бакалавра нужно помимо сдачи всех экзаменов, семинаров и четырех опциональных курсов, то есть курсов по выбору, написать одну годовую работу за первый курс и одну письменную работу за второй курс. Необходима также сдача экзаменов по греческому, латинскому и одному из новых языков. Кроме этого необходимо иметь высокий средний балл по всем предметам — не ниже восьми с половиной баллов по десятибалльной шкале. Я писал в конце моего курса обучения работу по одному из опциональных предметов, который назывался «Метафизика и насилие». Работа называлась «Смерть как онтологическое насилие». Я пытался представить оригинальный взгляд на смерть, базируясь, прежде всего, на экзистенциализме.

—Нет ли в Григориануме предпочтительного отношения к какой-то из философских школ?

Собор святого апостола и евангелиста Марка в Венеции

—Теоретически нет. Постулируется принцип, что ни одно философское положение не может быть догматизировано. Каждый мыслитель, даже каждый дилетант в философии имеет право не согласиться, например, с Аристотелем, что, кстати, случилось со мной во втором семестре первого курса. На одной из лекций по онтологии я сказал профессору, что я не согласен с каким-то положением Аристотеля. Он спросил: «А давно Вы занимаетесь философией?» Я ответил: «Три месяца». Он говорит: «Этого не достаточно, чтобы опровергать Аристотеля», но при этом он все-таки признал за мной право на подобные суждения. То есть, философия — это такая наука, в которой не требуется обязательного благоговейного отношения к каким-то мыслителям. Каждый философ волен высказывать свою критику того или иного предмета. Поэтому теоретически в Григориануме нет какой-то одной идеологии. Но практически, конечно же,

делается акцент на католической философии и, прежде всего, на Фоме Аквинском, взгляды которого стали фундаментом не только философии, но и всего католического богословия. И поэтому подспудно делается акцент именно на его труды. Фома Аквинский остается наиболее популярным и наиболее цитируемым философом в Григориануме. Но нужно отметить, что здесь каждый профессор старается подчеркнуть разницу между Фомой Аквинским и последующей схоластикой. Постоянно говорится о том, что нельзя по позднейшим интерпретациям судить о самом Фоме. Поэтому в Григориануме делается упор на работу с первоисточниками, то есть с сочинениями самого Фомы.

—А каково отношение к неотомизму?

—К неотомизму в Григорианском университете относятся как к одной из философских идеологий, как к фи-

Мощи святителя Амвросия Медиоланского и святых мучеников Гervasия и Протасия

лософии не критической, как к властной попытке вернуть теологию на «круги своя», но в философии это невозможно, потому что это не догматика и не богословие. Здесь каждый человек, исходя из своего опыта и из опыта других людей, пытается понять, что есть истина, и что есть ложь. Но при этом можно сказать, что сегодня особый интерес вызывает экзистенциализм и современная еврейская философия — это Бубер, Розенцвайг, Левинас. Из экзистенциалистов чаще всего цитируют Сартра и Хайдеггера.

—А насколько это вообще типичная для католических вузов ситуация?

—Это, конечно, особенность Григорианума. В других университетах, будь-то Урбанианум, Анжеликум или Латеранум, я бы сказал, пережевывается Фома Аквинат, и неотомизм является господствующей идеологией, что порождает пренебрежительное отношение к другим философским течениям. Для Григорианума же характерны критичность и попытка ответить на запросы современно-

го мира. Здесь всегда пытаются вести диалог с изучаемым философом, стремятся понять, почему тот или иной философ высказал ту или иную мысль, что заставило его поступить так. Вообще, в Григориануме философией всерьез увлекаются немногие. Ею здесь, в основном, занимаются лишь потому, что прохождение философского курса является необходимым этапом для поступления на богословский факультет. Но есть и те, кто идет сюда ради самой философии. У них есть большой интерес к современной философии, и в среде этих студентов возникают очень интересные дискуссии.

—Расскажи, пожалуйста, об условиях проживания.

—Я живу в одном из римских колледжей, в колледже Марианум, который принадлежит ордену Серви ди Мария, то есть Слуги Богородицы. Живу в одноместном номере. Мне предоставлено трехразовое питание. Питание очень хорошее, я бы даже сказал, что чересчур хорошее. Конечно, у меня нет никаких послушаний. Или, можно сказать, мое главное и единственное послушание — учеба. А какие-то побочные работы даже не поощряются. Я просто не имею права подрабатывать или заниматься чем-то подобным. Мои спонсоры следят за тем, чтобы я все свое время отдавал образованию. И если мне нужны какие-то деньги, то они готовы мне их выделить, только бы я не тратил время на подработку. И вся атмосфера университета и колледжа способствует обучению. Вообще колледж — это не учебное заведение, а скорее общежитие, где все студенты питаются вместе, и где проходят совместные богослужения.

—То есть там, видимо, есть элементы внутреннего распорядка?

—Да, конечно. Необходимо следить за режимом и его соблюдать.

—Насколько сходны требования этого режима с распорядком, принятым в Московской Семинарии?

—Там все, конечно, намного мягче. Предполагается, что люди, которые решили получить духовное образование, уже достаточно зрелые, и к ним проявляется более серьезное отношение. Все строится на взаимном доверии. К тому же колледж, как я сказал, принадлежит монашескому ордену. А это значит, что приезжающие сюда студенты-католики уже прошли, как минимум, семилетний путь послушания в монастырях Серви ди Мария. Это орден, основанный в Италии в XIII веке. Изначально он был итальянским, но сегодня уже стал интернациональным. Предполагается, что человек, имеющий семилетний монашеский опыт, — это человек, которому можно доверять. Так что требования режима, как я сказал, довольно мягкие. Встаем мы в семь часов утра, в половине восьмого бывает утреннее богослужение, которое я могу не посещать.

—Прости, что перебиваю, поясни сразу, богослужение — это месса?

—Нет. Месса у них совершается вечером. А утреннее богослужение состоит из гимнов, трех псалмов и Еван-

гельского чтения. После этого завтрак, и все расходятся по университетам. Каждый посещает свой университет. Занятия длятся до обеда. К часу дня мы возвращаемся в колледж, где с часу до половины второго бывает обед. После этого — свободное время, в которое многие посещают семинары или опциональные курсы. Каждый распоряжается своим временем до половины восьмого. В 19.30 — вечерняя месса, которая длится до 20.15 — 20.30. И в половине девятого начинается ужин, после чего также свободное время, и каждый может заниматься тем, чем он хочет.

— Ну а в принципе, проблема прозелитизма существует или нет?

— Я бы так сказал: на себе я ничего подобного не испытывал. Хотя часто приходится сталкиваться с каким-то непониманием. Нередко приходится слышать от людей, не имеющих никакого богословского образования, высказывания типа: «Вы — схизматики. Почему вы не признаете нашего папу, который такой хороший, такой духовный?» и тому подобное. Но это только на уровне простых прихожан. Среди же профессоров я никогда не встречал подобных высказываний. И мне кажется, что иезуиты, в университете которых я учусь, не стремятся к тому, чтобы кто-то из инославных, приехавших к ним, стал католиком. Это была бы для них, так сказать, антиреклама. И не только для них, но и для Рима в целом. Что вот, мол, люди едут учиться в Рим, а их там вынуждают менять свою веру. Поэтому они, даже если и не разделяют твоих убеждений, все же не подталкивают тебя к измене своей конфессии.

— А как бы ты охарактеризовал религиозную атмосферу Италии? Ведь тебе наверняка приходилось сталкиваться с проявлениями народного благочестия. Каково там отношение к храмам, иконам, статуям, реликвиям?

— Известно, что Италия — это одна из наиболее католических стран Европы. Двадцать процентов итальянцев являются практикующими католиками, то есть каждое воскресенье приходят в храм на богослужение. В особенности показателен в этом плане юг Италии. Здесь церковь, храм являются, в каком-то смысле, центром народной жизни. Хотя часто можно встретить и проявления благочестия, граничащие с суеверием. Например, нередко встречается чрезмерное, если так можно сказать, или не совсем разумное почитание Божией Матери. Вы входите в храм и видите в центре не Распятие, как это обычно бывает, не образ Христа, а Богородицу. Или, допустим, часто итальянец входит в храм и, не перекрестившись перед алтарем, сразу же бросается искать образ Девы Марии или падре Пио, чтобы подойти и помолиться перед ним. В этом сказывается недостаточный уровень катихизации итальянцев. Но в целом Католическая Церковь и лично папа находятся, если не в центре внимания,

то, по крайней мере, пользуются в обществе довольно высоким авторитетом.

Однако нужно иметь в виду и то, что нельзя говорить об Италии как о каком-то духовном монолите. Север Италии куда более секуляризован. Люди здесь более прагматичны. На юге же наблюдаются другие тенденции. Там итальянцы живут Церковью и христианством. Традиционные моральные устои являются первостепенными в их жизни. Что же касается почитания святых, статуй, икон, то нужно сказать, что в их традиции нет такого отношения к реликвиям, которое мы привыкли видеть в Русской Церкви. Перед мощами, конечно, молятся, становятся на колени, но никто к ним не прикладывает. Также не принято прикладываться к иконам. Только раз в году, в Великую Пятницу, прикладываются к Кресту. И очень часто из уст студентов, с которыми я живу и учусь, а также из уст простых верующих приходится слышать, что прикладывание к мощам и иконам является каким-то идолопоклонством. Для них наше отношение к святыням непонятно. И в связи с этим все мощи там хранятся или под спудом, или в местах, не допускающих возможности приложиться к ним.

— А соблюдаются ли посты современными итальянцами?

— У них существует два поста: Пасхальный и Рождественский, но они не относятся к посту как ко времени, на протяжении которого нужно обязательно воздерживаться от определенных видов пищи. Считается, что в пост человек должен больше каяться, молиться, медитировать на духовные темы. И только два раза в году католики воздерживаются от скоромной пищи (прежде всего от мяса): в пепельную среду и в Великую Пятницу. В некоторых монастырях в эти дни вообще ничего не едят. Так что пост как воздержание от скоромной пищи является уже полностью утраченной традицией.

Вериги святого апостола Петра

Статуя Падре Пио

— Ты говорил, что тебе приходилось много путешествовать по Италии. Какие общехристианские святыни тебе приходилось видеть?

— Да, в Италии очень много реликвий. Правда, мне сложно судить о достоверности некоторых из них. Например, в Венеции находятся мощи святого апостола Марка и святого Захарии, отца Иоанна Предтечи. Я не знаю, какова вероятность того, что эти мощи являются подлинными. Там же, в Венеции, покоятся мощи святого Афанасия Великого. В Милане — мощи святого Амвросия Медиоланского вместе с останками святых мучеников Гервасия и Протасия. Там же сохранился храм и даже купель, в которой был крещен блаженный Августин. В Неаполе покоятся мощи святого мученика Януария. В Риме же находится огромное количество реликвий: мощи святых Петра и Павла и других апостолов, часть дре-

ва Креста Господня, шипы от тернового венца, гвозди от Креста, табличка с надписью «Иисус Назарянин — Царь Иудейский». В Риме похоронен святой равноапостольный Кирилл, я был у его гробницы. В Бари — святитель Николай. Сложно даже все сейчас вспомнить. Но, повторюсь, достоверность многих реликвий требует специального исследования.

— Известно, что сегодня в Католической Церкви, по крайней мере, в ряде европейских стран, например, во Франции, господствуют модернистские тенденции. Насколько последовательно линия Второго Ватиканского собора проводится в приходской жизни в Италии?

— В Италии, как и в других странах, не является чем-то удивительным совершение мессы в сопровождении гитар, ударных или каких-то других музыкальных инструментов. Богослужение совершается, конечно же, не по-латыни, а на современном итальянском языке. Очень часто можно видеть, что на приходах мирян причащают под двумя видами, а не только облатками. Однако в целом в Италии сохраняется традиционалистский настрой. Может быть, это объясняется близостью Ватикана и папы. В самом Ватикане богослужения совершаются на латинском языке в сопровождении григорианского хора. Так что, возможно, близость папы и не допускает резкой модернизации богослужения.

— А можно ли встретить у римо-католиков богослужение по восточному обряду?

— Я не встречал. Часто используются какие-то элементы восточного обряда, но чтобы полностью совершалось восточное богослужение, этого я не видел. Исключение здесь составляет храм, находящийся при институте Ориенталиум. Здесь богослужение совершается по-славянски в соответствии с византийскими традициями. К этому институту также прикреплен колледж Руссикум, в котором живут и обучаются выходцы из Восточной Европы. Поэтому для них богослужение совершается по восточному обряду.

— А каково положение православных храмов? Много ли их? Насколько многочисленны православные общины?

— В центре Рима находится православный храм, который сегодня принадлежит уже Московскому Патриархату. Буквально год назад он перешел из-под омофора Константинопольского Патриарха в юрисдикцию Москвы. Также началось строительство православного храма на территории Российского посольства — это тоже почти в центре Рима. В остальных регионах Италии, если я не ошибаюсь, всего девять православных приходов. И все эти приходы, за исключением, конечно, римского, являются очень бедными. Они просто не могут содержать священника, и поэтому духовная жизнь там пока не складывается.

В Риме служат два священника. Это довольно большой приход, который состоит в основном из украинцев и молдаван. Сегодня в Риме гораздо больше украинцев,

чем русских. И отношение Католической Церкви довольно терпимое к факту существования этих приходов.

— *А не приходилось ли тебе сталкиваться с русской эмиграцией старой или новой?*

— В Риме очень мало представителей старой русской эмиграции. Их можно буквально пересчитать по пальцам. К ним, например, относится настоятель Римского прихода — отец Михаил Осоргин. Он выехал с родителями из России, когда ему было два года. Он воспитывался и вырос во Франции. В римском приходе он прослужил более пятнадцати лет. И буквально год назад решил перейти под омофор Московского Патриарха. В основном люди, приходящие в храм, — это временные прихожане, которые приезжают в Италию на заработки. Они живут в Риме год, два, три, редко больше. В это время они и ходят в храм. Но, поправив свое материальное положение, они уезжают на Родину. И поэтому в приходе происходит постоянная смена прихожан. К сожалению, у меня практически нет возможности знакомиться и общаться с русскими. Круг моего постоянного общения — это студенты-итальянцы, а также выходцы из других стран, с которыми я вместе учусь и живу в колледже.

— *А из каких стран студенты приезжают в Григорианум?*

— Прежде всего, конечно, итальянцы. Затем много выходцев из Америки и Англии. Из Германии у нас студентов очень мало. Довольно много студентов из Восточной Европы и из Африки. Так что спектр большой.

— *То есть нельзя говорить о преобладании студентов из стран «третьего мира»?*

— По отношению к Григориануму — нет. А вот, скажем, в Урбаниануме, другом папском университете, действительно, преобладают выходцы из «третьего мира».

— *Какие реальные результаты своей учебы ты сегодня видишь? Что дала тебе учеба в Риме?*

— Прежде всего, это, конечно, познания в области философии. До поездки в Италию я мало занимался философией, хотя очень интересовался ею. Также Рим дает возможность сталкиваться с представителями самых разных культур, студентами со всего мира. Поэтому постоянно происходят какие-то открытия. Есть возможность изучить разные взгляды на одну и ту же вещь. И когда ты задаешься вопросом: «А почему этот человек думает так? В силу чего?», то зарождается диалог, который взаимно обогащает. Также обучение в Риме дало мне возможность увидеть Католическую Церковь изнутри. Я имел возможность общаться как с простыми верующими, так и с кардиналами, и даже с папой. И представление о католиках у меня теперь более глубокое и адекватное. Ну и, конечно же, я узнал очень много интересного об итальянской культуре.

— *А как ты повстречался с папой?*

— Это не была официальная аудиенция. Просто в конце мая один из моих друзей, викарный Римский епископ Энцо Дьечи, сказал мне: «В одном из моих приходов будет служить папа. Ты не хотел бы с ним встретиться?» Я

ответил: «А почему нет?» И он представил меня папе в то время, когда тот облачался в ризнице. Я говорил с ним буквально минуты две, и это, конечно же, не был серьезный разговор. Мы просто обменялись добрыми пожеланиями. И все.

— *Какие у тебя планы на будущее?*

— Я пока не решил, чем заниматься в дальнейшем. Меня очень привлекает философия. Я бы хотел продолжить заниматься ею и сделать лицензиат по философии. Это что-то вроде нашей магистратуры. Но с другой стороны, я ехал в Италию ради богословия, и мне хотелось бы заняться богословием, а именно, историей богословской мысли первого тысячелетия, то есть эпохой Вселенских Соборов. Но в любом случае я уже буду заниматься не бакалавриатом, а лицензиатом. Это предполагает уже узкую специализацию. Мое обучение было зачитано за бакалавриат богословия, и это дает мне возможность заниматься лицензиатом как по философии, так и по богословию.

Интервью подготовил
Владимир Бурева, 2 курс МДА

Процессия со статуей Божией Матери. Город Матера (юг Италии)